

Любовь внеземная

ПРИЗВАНИЕ

47 лет у бывшей гарнизонной машинистки Александры Харламовой соснулась тяга к рисованию. Теперь её работы находятся во многих российских и зарубежных музеях, а написанные художницей иконы украшают православные храмы. При этом сама Александра Георгиевна, оставившая благополучную жизнь ради искусства, ютится в маленькой мастерской своего учителя, который уже ушёл из жизни.

В ПАМЯТЬ О МАТЕРИ

К сорока семи годам у Александры Харламовой было всё, о чём может мечтать женщина, — хороший муж, любимый сын, своя квартира, материальный достаток. Александра Георгиевна, выросшая в военном гарнизоне, вышла замуж за военного всю жизнь вместе с мужем ездила по точкам — в частях работала машинисткой. В конце службы муж Александры Георгиевны был направлен в Ярославль. Здесь супруги остались и до окончания службы.

— В 1994 году мой сын ушёл в армию, и у меня в душе вдруг образовалась пустота, — вспоминает Александра Георгиевна, — мне показалось, что в жизни чего-то не хватает. Семья, дом — это всё, конечно, хорошо, но человек должен помимо этого ещё чем-то заниматься, — рассуждает она.

Так родилась мысль попробовать написать портрет матери. «Самое интересное, что моя мама умерла в возрасте 47 лет, — вспоминает Александра Георгиевна, — и именно в этом же возрасте мне захотелось написать её портрет».

Вооружившись кистями и красками, начала писать. Книжки обучающих рисованию, в то время в продаже не было, поэтому действовала «наобум».

— К примеру, я не знала, что масляные краски нужно разводить специальным растворителем. Когда я начала ими писать и почувствовала, что они очень густые, стала добавлять в них подсолнечного масла. Так я пиала свою первую в жизни картину...

Однажды за работой Александру Георгиевну застала её подруга — врач-терапевт. Она предложила познакомить её со своим пациентом — известным в Ярославле художником Владимиром Сибриным.

УЧИТЕЛЬ

— Как сейчас помню нашу первую встречу, — вспоминает Александра Георгиевна, — я очень боялась, шла, как первокурсница на экзамен. Он взглянул на мои работы, потом предложил: «Давайте за двадцать минут попробуем нарисовать — вы меня, а я вас». Мы сели друг напротив друга. Меня пробила какая-то дрожь: руки трясутся, ноги отнимаются. Думаю: ну всё, сейчас он меня выгонит! И вот с этим ужасом в душе я пишу его.

Вопреки страхам Александры, художник похвалил работу и сказал: «А что, давайте попробуем!» Для первого раза предложил нарисовать дома яблоко на блюдечке на белой скатерти, в рядом нож или ложку.

— Два дня я мучалась с этим рисунком. В конце концов смогла написать только яблоко и блюдце, а в блестящем металлическом ноже я увидела столько красок, что мне показалось: я в жизни не смогу их передать! В итоге, когда принесла Владимиру рисунок, он долго смотрел, а потом сказал: «А вы знаете, у меня нет никаких замечаний! Самое главное, вы схватили рефлексы — это влияние цвета одного предмета на другой. Многие художники, даже закончив академию, не могут их передать. Думаю, у вас получится!»

И вот началась кропотливая работа. Каждый день Александра приходила в мастерскую художника, и они вместе работали до самого вечера — рисовали натюрморты и гипсы, ходили на этюды. Владимир поставил своей целью за год пройти с Александрой весь курс художественного училища.

— Он с меня буквально снял всю шкуру за этот год! — вспоми-

Фото Елены БАТУЕВОЙ.

нает она. — Порой мне казалось, что я никогда не научусь рисовать, я и плакала, и скандалила, но Володя мягко, но твёрдо заставлял идти дальше, совершенствоваться в рисовании. Интересно, что в период учёбы Володя никогда не вмешивался в мою работу. Только теоретически. Я сбивалась, если чужая рука присутствовала в моей работе. Честно говоря, во многом выручили меня «рембрантовские кисти», купленные незадолго до встречи с Володей в Москве.

РЕМБРАНТОВСКИЕ КИСТИ

А дело было так: когда Александра Георгиевна начала писать, то ей почему-то не нравились те кисти, которые продавались в ярославских магазинах. Вспомнив, что однажды, гуляя по Москве около Большого театра, она набрела на маленький магазинчик, в котором продавались принадлежности для художников, решила заглянуть туда.

— Приехала в Москву, нашла этот магазинчик. Стою у витрины, разглядываю кисти, — вспоминает Александра Георгиевна, — в этот момент к продавцу подходит женщина и предлагает кисти из Голландии, с родины Рембрандта. Продавец пошла за квантанциями, а я спросила у женщины, сколько у неё кистей и сколько она за них хочет. Она сказала: шесть кистей за сто тысяч рублей. (В то время в ходу были миллионы, но всё равно это были довольно большие деньги.) У меня с собой была как раз такая сумма, и я, не раздумывая, купила эти кисти. Больше таких кистей у меня никогда не было. Сделаны они были из колонка высшего качества и как будто писали сами. Если бы не эти кисти, вряд ли я бы вообще стала писать. Володя этими кистями не писал — берёт их для меня, хотя я понимаю, что ему, наверное, очень хотелось.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

...С Володей мы теперь проводили целые дни. Очень скоро я поняла, что я просто не могу существовать без этого человека. Мне открылся новый мир — мир искусства, я познакомилась с его друзьями-художниками, другими глазами стала смотреть на жизнь. Однажды после очередных занятий я пришла домой и сказала мужу, что ухожу к Володе.

Врач «скорой помощи», которая и познакомила нас с Володей, была в шоке: «Он же серьёзно болен, ему жить осталось совсем немного! Как ты можешь бросить благополучную

семью ради инвалида?» Но меня уже никто и ничто не могло остановить. Я оставила благополучную жизнь и ушла к «нищему художнику» и никогда не пожалела об этом, потому что в тот момент перевернулась вся моя жизнь.

Вскоре Александра и Владимир расписались. Через год свадьбы у Александры состоялась

— Когда я её практически заканчивала, а писала я икону около трёх месяцев, вдруг пошёл сильный ливень. Он шёл несколько часов, не переставая, не утихая ни на минуту. Вода начала подступать к окнам нашей мастерской, которая располагается в полуподвальном помещении. Я с ужасом смотрела, как вода льётся

первая областная выставка. Она имела успех. После этой выставки художница окончательно определилась с жанром — в большей степени она сосредоточилась на портрете.

За свою пятнадцатилетнюю творческую биографию Александре Сибриной удалось написать немало портретов знаменитых людей. В музее имени Шалаяпина в Санкт-Петербурге хранится написанный ею портрет ярославского священника отца Бориса Старка, который, будучи во Франции в эмиграции, отпевал знаменитого певца и принял большое участие в мероприятиях по перезахоронению Шалаяпина в Россию. В Государственной Третьяковской галерее есть картина Александры Сибриной «Ростов Великий». В Германии в частной коллекции находится портрет Александра Солженицына, написанный с натуры, когда писатель посещал Ярославль.

ХУДОЖНИК ВСЕГДА ЖИЛ ВО МНЕ

Всё-таки удивительно, что человек, далёкий от искусства, вдруг за такое короткое время открыл миру незаурядный дар.

— Наверное, что-то во мне жило, только не могло прорваться наружу из-за жизненных обстоятельств, — считает Александра Сибрина. И рассказывает, как в те годы, когда она с мужем жила на «точках», окружённых непроходимыми лесами, её всегда восхищала красота природы. А с Володей мы прожили восемь счастливейших лет. Уже когда мы познакомилась, он был инвалидом первой группы по астме, а потом пережил инфаркт. И тем не менее мы старались не заикливаться на его болезни, много путешествовали, много выезжали на природу, вместе писали.

Владимир умер внезапно весной 2002 года, когда супруги готовились к очередной поездке в Германию на выставку.

ГОСПОДЬ ПОЗВАЛ...

— После смерти мужа я начала задумываться о Боге, о вере, — рассказывает Александра. — Меня стало тянуть в храм. Одна моя знакомая была прихожанкой недавно открытого для верующих храма Спаса на Городу, она познакомила меня с его настоятелем отцом Сергием. Ему я высказала своё желание писать иконы.

Первой иконой была Богоматерь Милующая или Достойно есть афонского стиля. При написании этой иконы произошёл необычный случай.

прямо в комнату через щели в окнах, подступает к порогу. Комнату залило водой уже выше щиколотки, вот-вот затопит работы. И тогда я взмолилась перед стоявшей на мольберте иконой: «Матушка Богородица, я ведь тебя почти закончила, ну помоги же мне!» И тут наступила поразительная тишина. Дождь внезапно стих, вода потихоньку начала уходить. Интересно, что в соседнем помещении, находящиеся на том же уровне, что и моя мастерская, не попало ни капли воды. Когда я рассказала батюшке об этом случае, он покачал головой: «Бесы шалили, не понравилось им, что рождается новая икона...»

После этого Александра Георгиевна написала ещё несколько икон для храма Спаса на Городу — Богородицу Скоропослушницу и целителя Пантелеимона, икону мученицы Веры, Надежды, Любови для храма Сретенья Господня в Ярославле.

О необычной художнице прослышал батюшка из далёкого сибирского посёлка Скальный Чусовского района Пермской области. Там десять лет назад жители построили единственный на всю округу храм в честь мученицы Татианы, а на иконы не было средств. Александра Георгиевна написала несколько первых образов для этого храма. Потом для написания следующих организовали сбор пожертвований... Татьяна. Так далёкий сибирский приход обрёл иконы.

— При написании иконы деньги я беру только на расходные материалы, — говорит Александра Георгиевна, — сама же работа — это мой дар храму...

Художница-бессребреница продолжает жить в мастерской своего мужа и учителя Владимира Сибрина. Помещение это принадлежит мэрии, и ежемесячно ей приходится платить огромную арендную плату. Но несмотря на свой талант, «делать деньги» на картинах так и не научилась — за скромное вознаграждение пишет портреты ярославцев или по заказу варианты с картин Владимира Сибрина. Это помогает сводить концы с концами.

Когда мы расставались, Александра Георгиевна неожиданно вручила мне картину — красные маки в степи. Все мои попытки отказаться были решительно отклонены. «Возьмите на память», — сказала художница. Теперь красные маки цветут над моим письменным столом, напоминая о том, что время и возраст не властны над талантом и вдохновением.

Елена БАТУЕВА